Сергей Антонов
Скальпель доктора
МЕНГЕЛЕ

Сергей Антонов

Скальпель доктора Менгеле

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4977411
Антонов С. Скальпель доктора Менгеле: Амадеус; Москва; 2007
ISBN 978-5-9777-0082-5

Аннотация

Бывшему сотруднику специальной лаборатории НКВД удалось завладеть скальпелем нацистского Ангела Смерти доктора Йозефа Менгеле.

В свое время скальпель был вывезен гитлеровцами из Египта, где им когда-то пользовались жрецы, мумифицировавшие фараонов.

С помощью артефакта безумный экспериментатор сеет ужас в маленьком городке. Прекратить бесчеловечные опыты сумасшедшего хирурга предстоит простому парню Виталию Светлову.

Содержание

1 4
2 6
3 9
4 14
5 18
6 23
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Сергей Антонов
Скальпель доктора Менгеле

1

Виталик долго сидел в полной неподвижности, пока понял: даже если он сожмет руль так сильно, что из него потечет сок, мужчина лежащий на дороге не встанет на ноги и ламбаду не спляшет, как бы его об этом не просили.

– Господи!

Собственный голос показался Светлову бесконечно чужим. Он отпустил руль, открыл дверцу и вывалился из «бычка», как парашютист из подбитого зениткой самолета.

– Эй, мужик, ты живой?

Светлов осторожно приблизился к мужчине и присел рядом с ним на корточки.

– Эй, мужик…

Виталий тупо смотрел на крестик пластыря, наклеенного на висок сбитого пешехода. Почему на висок? Это ведь не щека, которую ничего не стоит порезать лезвием при бритье. Каким все-таки нужно быть идиотом, чтобы умудриться попасть под машину на ночной улице маленького российского городка!

Виталий встал и выудил из кармана сотовый телефон, набрал «02» и сдавленным голосом рассказал милиционеру об аварии.

– Водитель с места ДТП скрылся? – спросили на том конце линии.

– К-какой водитель?

– Тот, что сбил пешехода, конечно!

– А-а… Я водитель. Как видите, и не думаю скрываться.

Светлов вернулся к своему потрепанному автомобилю, оперся на капот и закурил.

Судя по быстроте, с которой появились две, украшенные проблесковыми маячками машины, сотрудникам ГАИ не часто приходилось иметь дело с дисциплинированными участниками аварий. Невысокий, почти квадратный «гаишник» демонстративно поиграл болтающимися на ремне наручниками.

– Ваши документы! Сурвило, фонарик, быстро!

Сверка улыбающегося молодца на фотографии в водительских правах с унылой рожей Виталия заняла не меньше минуты.

– Куда следовали?

– В Смоленск. За товаром. Накладную вы держите в руках.

– Как это случилось?

– Разбирайтесь, – развел руками Светлов. – Он сам бросился под колеса. Я ехал по своей полосе, с нормальной скоростью…

Вернулся Сурвилло, успевший осмотреть труп. Он наклонился к уху сержанта, прошептал несколько слов и, Виталия оставили в покое. Светлов с удивлением наблюдал за растерянными лицами «гаишников». Все выглядело столь странно, что Виталий не на шутку встревожился. Он, конечно, сбил живого человека. Событие из ряда вон выходящее, но, согласно статистике, не такое уж редкое. Так почему все они смотрят на него так, будто он долго выслеживал этого несчастного и, улучив подходящий момент, пошел на таран?

Из зеленого «БМВ», подъехавшего к месту аварии, вышел тот, кого Виталий ожидал увидеть меньше всего. Дима Агранов. Одноклассник и друг детства слегка располнел, но вид имел бравый и вполне соответствовал своей мешковатой майорской форме.. Агранов выслушал доклад сержанта, не спеша, проследовал к распластанному на асфальте телу, посмотрел

на Виталия и достал из кармана носовой платок. Промакнул явно вспотевший несмотря на ночную прохладу лоб.

Виталию надоело наблюдать и анализировать. Истратив весь запас терпения, Светлов двинулся навстречу майору.

– Привет, Дима. С каких пор заместитель начальника РОВД выезжает на банальное дорожно-транспортное происшествие?

– Банальное? Ты еще не усек, что случилось?! – Агранов нервным движением пожал протянутую руку и почему-то ее не отпускал. – Ты шутишь? У этого мужика нет глаз!

– Слепой?!

– Если бы. Глаза вырезаны, а раны зашиты. Насколько я разбираюсь в хирургии, довольно профессионально зашиты. Он действительно выскочил под колеса?

– Я не сошел с ума, Дима! Ты меня разыгрываешь?

– Можешь полюбоваться сам! – Агранов потащил Светлова к трупу. – Как прикажешь это понимать?!

Гаишники расступились и Виталий увидел то, о чем говорил майор. Короткие, косые стежки, сделанные черными нитками, проходили точно посередине тех мест, где у мужчины должны были находиться глаза.

– Кто сотворил с ним такое? – Виталий попятился. – Дима, кто мог это сделать?

– Хотел бы я знать, – вздохнул Агранов. – Сейчас сюда приедет наш эксперт. Думаю, к утру, благодаря доктору Лихонину, кое-что прояснится.

– А как быть мне?

– Придется проехать в отдел. Хоть ты мне и старый друг, но служба есть служба. Все оформим. Садись в мою машину, – майор зевнул, прикрыв рот ладонью. – Ночь на дворе. Мне до споров. Составим протокол, дашь подписку о невыезде и катись себе на все четыре стороны, помня о том, сколько головной боли мне доставил.

Через час, отказавшись от услуг Агранова по доставке домой, Светлов брел по городу, над которым уже занимался рассвет.

Поднявшись в свою однокомнатную квартирку, не раздеваясь, плюхнулся на диван. Интересно, как отнесется к ночному происшествию его шеф, акула предпринимательства районного розлива? Скорее всего, партию стирального порошка доставит не Виталик Светлов, а уже другой водитель. Тот, который не сбивает на ночных дорогах безглазых путников.Виталий попытался представить себе разъяренную рожу шефа, но вместо нее видел только мертвое лицо странного пешехода.

2

Олег Шакиров спрыгнул с подножки, когда поезд уже тронулся. Оставив изумленную проводницу размышлять над своим поступком, Шакиров прошел через зал ожидания и направился к стоянке такси.

– Куда едем? – без особого интереса спросил водитель.

– Домой…

Все попытки таксиста разговорить пассажира потерпели крах, и он сосредоточился на дороге. Рассеянно наблюдая за сменявшими друг друга сельскими пейзажами, Олег закурил. Минут через сорок он будет дома и тогда произойдет взрыв, который не оставит от его семейной жизни камня на камне.

Шакирову не раз доводилось видеть, как рушатся дома, оседают в облаках пыли кирпичные заводские трубы. Взрывы были его специальностью, и как уверяли коллеги, призванием.Олегу нравилось подчинять своей воле всесокрушающую стихию. Институт закончил заочно и с тех пор колесил по всему постсоветскому пространству.

Преуспевающий специалист с безупречной внешностью, большим домом в центре родного города и красавицей-женой, которая не порвала вовремя записку любовника, лаконично сообщавшего: «Не могу больше ждать. Звони сразу же, как уедет. Целую и безумно люблю».

Последние несколько часов, которые Шакирову пришлось провести дома перед отъездом, стали для него настоящей пыткой. Только заняв место в спальном вагоне, понял: как бы он не пытался оправдать своей отъезд желанием все осмыслить в одиночестве, это была банальная попытка убежать от жестокой реальности. Теперь он возвращался домой, чтобы застать жену с поличным. Не самая приятная миссия по разрубанию Гордиева узла семейных уз.

Вскоре Олег свернул на свою улицу и тихо, но внятно выругался. Прямо у ворот дома стоял довольно потрепанный «фольксваген». Олег злобно пнул ногой колесо автомобиля. Он открыл дверь своим ключом и уже из коридора услышал шум льющейся воды. Душ. Голубки вместе или порознь готовятся к совокуплению. Не снимая обуви, Шакиров прошел в гостиную, достал из бара бутылку « Белого аиста», нарезал лимон и плюхнулся на диван.

– Любаша! – донеслось из-за двери спальни. – Сколько можно ждать?

Олег вскочил и ударом ноги распахнул дверь в спальню.

– Привет!

Мужик, по-хозяйски устроившийся на супружеском ложе Шакировых был, как все секс-машины мускулист, коротко стрижен и имел приторно правильные черты лица.

– П-привет, – выдавил он голосом павлина, из которого собираются приготовить жаркое. – Ты…

– Муж Любашки. Будем знакомиться?

– Серега…

– Натягивай, Серега, штаны, – процедил Шакиров. – На твои распрекрасные трусищи смотреть тошно.

– Иду, уже иду! Олег?!

Шакиров обернулся к жене, которая, чтобы не грохнуться на пол от неожиданности оперлась рукой на дверной косяк. Голова Любашки была обмотана полотенцем, а из-под короткого халатика, призывно белели длинные ноги, покрытые капельками воды.

– Олег! Это не то, что ты, – изменщица сглотнула подкативший к горлу ком. – Не то, что ты думаешь…

– Конечно. К тебе в гости просто зашла подружка, а член у нее вырос от радости при моем появлении.

– Ты же сказала, что он уехал! – ворчливо воскликнул Серега.

– Пошел вон, осеменитель-самоучка! – Шакиров вернулся на диван, наполнил опустевшую рюмку и исподлобья взглянул на жену. – Думаю тебе тоже пора собирать вещички… Не стану препятствовать вашему счастью.

– Ты как меня назвал?! – вмешался Серега, вразвалочку направляясь к Олегу. – Думаешь, что если я твою сучку трахал, мы с тобой родственниками стали?!

Шакиров молниеносным движением выплеснул коньяк в лицо Сереги и не удержался от смеха, наблюдая за тем, как тот комично отфыркивается.

– Я… Да я… Бифштекс из тебя сделаю!

Серега прыгнул к столу и схватил нож с наборной ручкой, которым Олег недавно нарезал лимон. В следующую секунду лезвие мелькнуло в опасной близости от лица Шакирова и ему осталось только неуклюже перевалиться через спинку дивана.

Олег никак не ожидал потасовки и был по натуре пацифистом, но теперь ему приходилось спасать свою жизнь. Он успел вскочить на ноги за секунду до того, как Серега перепрыгнул через диван, сбив по пути бутылку «Аиста». Удача продолжала сопутствовать Сергею: пытаясь уклониться от нового выпада, Шакиров зацепил ножку журнального столики и грохнулся на пол.

– Ну, паскуда, что теперь скажешь?! – прошипел Серега, пытаясь, как гладиатор, поставить босую ногу на грудь поверженного противника.

Времени отвечать на вопрос у Шакирова не было. Он согнул ногу в колене и, распрямив ее, впечатал носок ботинка в запястье Сереги. Тот взвыл от боли и выронил оружие. Олег воспользовался коротким замешательством соперника и пополз к ножу. Серега пытался ему помешать, вцепился обеими руками в лодыжку, но Шакиров вырвал ногу и добрался-таки до ножа. Он сел, твердо уверенный в том, что, оставшись без оружия, десантник немного поостынет.

– А теперь, паскуда что скажешь ты?

Насмешливый тон Олега произвел на Сергея такой же эффект, как красная тряпка на быка. Вены на лбу вздулись, губы свела судорога ярости.

– Голыми руками на куски порву!

Шакиров держал нож перед собой, но новой атаки никак не ожидал. Серега ринулся на него, протягивая руки к горлу и, по всей видимости, собирался сдержать свою угрозу. Порвать Олега на куски голыми рукам помешала бутылка коньяка, валявшаяся на полу. Нога атакующего скользнула по ней. Серега попытался восстановить равновесие и замахал руками, в тщетной надежде отыскать опору. В итоге, вместо того, чтобы рухнуть на спину, он упал вперед, прямо на Шакирова. В лицо Олега ударил фонтан горячей крови. Откуда-то из-за завесы багрового тумана он услышал пронзительный вопль жены и начал выползать из-под удивительно тяжелого тела Сергея. Когда наконец-то додумался протереть глаза, то увидел заключительный акт драмы. Дружок Любаши дергался в агонии, пытаясь зажать руками глубокую рану на шее. Его тело напряглось как струна, выгнулось и обмякло. Держась за стену, Олег поднялся, обернулся к жене.

– Он… Я не…

– Убийца, – тихо прошептала Люба и, бледнея на глазах, медленно осела на пол.

Вместо того чтобы привести жену в чувство Шакиров поднял злополучную бутылку, в которой чудом осталось немного коньяка, сделал несколько жадных глотков и пошел к телефону. Пробил час отдаться в руки правосудия. Рука сдавила телефонную трубку с такой силой, что та едва не треснула. Ну, уж нет! Шакиров отшвырнул аппарат и тот, ударившись о стену, разлетелся на полсотни пластмассовых брызг. Олег переступил через два неподвиж-

ных тела и прошел в ванную. Стоя под горячим струями душа, быстро составил план, реализовав который сможет начать новую жизнь. Спрятаться. Дождаться темноты и выйти на трассу. Денег на первое время хватит, а работу он себе найдет. Со временем дела обстояли хуже. Тем не менее, Олег старательно намылил голову и, перед тем как покинуть ванную, не забыл с помощью лосьона освежить кожу, еще хранившую память о крови Сереги. Когда застегивал «молнию» куртки услышал тихий стон. Любашка медленно, но верно приходила в сознание. Для того чтобы очнуться рядом с трупом и бежать к параллельному телефону на стене коридора. Грустно улыбнувшись, Шакиров распахнул створку платяного шкафа и снял с вешалки один из своих галстуков. Итальянский. Подаренный женой на годовщину свадьбы. Совесть Олега была чиста, как свежевыпавший снег. Любашка вполне заслуживала того, что он собирался с нею сделать. Когда переворачивал супругу на живот, она попыталась вырваться.

– Что ты делаешь?

– Разве непонятно? Связываю тебе руки. Мне самое время откланяться и очень не хочется, чтобы с твоей подачи по моим пятам ринулась орава наших доблестных милиционеров.

– Убийца! – Люба попыталась укусить мужа. – Тебя все равно найдут!

– Во-первых, никакой я не убийца, – Шакиров влепил жене пощечину, и та захныкала скорее от бессилия, чем от боли. – Кто к нам с мечом придет, от меча и погибнет. Твой Ромео схватился за нож и сам на него напоролся. Разве нет?

– Нет! Я дам другие показания и избавлюсь от тебя раз и навсегда. Врубился?

– Поэтому я тебя и связываю, – Олег старательно затянул узел и встал. – А насчет избавиться… Избавилась еще тогда, когда в первый раз легла в нашу постель со своим Тарзаном. Счастливо оставаться!

Свернув в безлюдный переулок, Шакиров ускорил шаг. В ноябре темнеет рано, но в данный момент до спасительных сумерек оставалось никак не меньше двух часов. Скоро его начнут искать. Лучшего места для беглеца, чем возвышающийся над рекой старинный замок придумать было нельзя. Впрочем, громкое название «замок» вряд ли подходило груде развалин на горе.

Сейчас, пробираясь между куч битого кирпича, с опаской поглядывая на свисающие с потолка балки перекрытия, Олег мог воочию оценить масштабы разрушений.

Вдоволь налюбовавшись руинами, он выбрал себе местечко посуше, устроился на обломке доски и задумался над своим бедственным положением. Звуки проезжавших по дороге автомобилей, стук дождевых капель по жестяной крыше, мягкий полумрак создавали иллюзию покоя и позволяли надеяться на то, что из передряги удастся выбраться. Неожиданно Олег услышал еще один звук, который не смог сразу распознать. Мерное гудение, похожее на урчание сытого кота. Оно доносилось снизу. Шакиров нагнулся и провел по полу пальцами. Олег понял: где-то под замком работал электродвигатель.

Неужели он наткнулся на некий подпольный цех? Иначе чем объяснить то, что в заброшенном замке гудит электрический двигатель? Пока Шакиров размышлял над этим, электродвигатель выключился.

Олег подошел к окну и посмотрел вниз, на поле, прорезанное серебристой лентой реки.. Новым объектом, заинтересовавшим Шакирова, стал особняк у подножия горы. Сверху был виден широкий двор, большой соединенный с домом гараж. Тот, кто построил дом, как видно сильно старались обезопасить себя не только от любопытных взглядов, но и от вторжений. Огороженный высокой стеной, особняк будто бы противопоставлял себя городу и его жителям. Это была самая настоящая крепость. А еще Шакиров понял, что дом внушает ему… Почтение? Нет, скорее страх.

3

– Кто я? Что я? Только лишь мечтатель, синь очей утративший во мгле, – хриплый голос за стеной звучал нарочито противно. – Эту жизнь прожил я только кстати, как и все другие на земле…

Иван Кароль попытался оторвать голову от подушки, но она оказалась настолько тяжелой, что приподнялась меньше чем на сантиметр.

– Бо… Борис, чтоб тебе сдохнуть! Заткнись!

– И тебя целую по привычке, – Борис Чуркин сунул в комнату свою помятую, но тщательно выбритую круглую рожу. – Потому, что многих целовал. Чего тебе, Ванюша?

– Сказал же: заткнись!

– И, как будто зажигая спички! – Чуркин специально поднял голос и последней строкой четверостишия буквально оглушил Кароля. – Говорю любовные слова! Чем тебе не нравится мое пение, милый?

– Голова раскалывается. Есть похмелиться?

– А то, как же! – Борис исчез и спустя несколько секунд торжественно внес в комнату, наполненную до половины стограммовую рюмку. – Кто ж о тебе позаботится, как не я? Выпей, Ваня, сразу полегчает! Может огурчика малосольного сообразить?

– Какой к свиньям собачьим огурчик?! – Кароль одним ударом выбил рюмку из рук любовника. – Что это? Во рту только поганить. Бегом в магазин. Одна нога здесь – другая там!

– Грубо, – констатировал Борис, усаживаясь на кровать. – Ты, Ваня, невоспитан, очень груб. Настоящее животное и… это мне нравится!

Чуркин неожиданно навалился на Кароля и, осыпая его шею жадными поцелуями, заставил лечь.

– Я хочу тебя, Ваня! – задыхаясь от страсти, шептал Борис. – Если бы ты только знал, как я… тебя… хо-о-о-чу-у-у…

Возбуждение, охватившее Ивана, боролось с тяжелейшим похмельным синдромом. Победил синдром. Иван столкнул Чуркина на пол.

– Потом, я сказал! Сейчас настроения нет…

– Скотина! Тебе бы только нажраться…

– Брось, Боря, не обижайся на меня дурака, – Иван протянул руку и нежно потрепал дружка по седому стриженому загривку. – Ты же знаешь: мне на улицу нельзя. Соседи увидят, толки пойдут.

– Метнись, дружок, в «Гастроном»? По рюмочке выпьем, видик посмотрим. Твою любимую киношку. Ну, с теми мальчишками, что разные разности вытворяют…

– Правда? – ожил Чуркин. – Правда?!

Борис быстро оделся, чмокнул Кароля в небритую щеку.

– Я моментально! – донеслось из коридора.

– Достал! – Иван проковылял в ванную, открыл кран и без особой охоты размазал воду по щекам. – Достал, Боря. Окончательно достал. Надо что-то делать…

Слегка одутловатое, отмеченное множеством бурлящих внутри страстей лицо сорокадвухлетнего жулика, громко именовавшего себя предпринимателем и главою мифического фонда «Отечество», было бы вполне гармоничным, если бы не нос. Этой, изогнутой, как серп и такой же острой части лица было суждено стать пожизненным крестом Ивана. Кароль не раз пользовался своими связями в кругах голубых, чтобы проворачивать разного рода аферы. Случалось, что они удавались и тогда финансовые возможности длинноносого выжиги и плута вполне соответствовали роли, которую он играл.

Благоденствие, как правило, длилось недолго: Иван бросался в новую авантюру и оказывался на мели. Последние два года, Кароль посвятил заготовке пиломатериалов. Древесно-стружечный бизнес продвигался ни шатко, ни валко. Ванечка впал в депрессию, но неожиданно узнал, что является однофамильцем польского магната, владевшего в средние века несколькими замками. Иван сразу заговорил с акцентом поданного Великого Княжества Литовского и отправился осматривать ближайшее родовое гнездо. Замок, хоть и находился на последней стадии превращения в руины, лже-наследнику очень понравился. Он побывал в райисполкоме, где с изящной легкостью опытного сына лейтенанта Шмидта убедил тупоголовых чиновников в том, что намеревается отстроить дом предков заново.

Благородство и самоотверженность Кароля, а главное – его упоминание о потоках туристов, заставило осторожных начальников поддаться на уговоры мошенника. Во время одной из прогулок под некогда величественными сводами Кароль обратил внимание на дымоходы, которые пронизывали стены замка от крыши до фундамента и вспомнил, что феодалы имели привычку прятать там свои несметные сокровища.

– А я-то дурак бревна распиливаю!

Ваня хлопнул себя рукой по лбу и помчался отдавать указания десятку наемных работников. Гул станков затих. Рабочие вооружились ломами и под покровом темноты начали крушить стены замка. Кароль потерял сон и покой. Он очень боялся того, что подручные приберут найденный клад к рукам, оставив его, прямого и единственного наследника, в дураках.

Разрушение дымоходов шло ударными темпами. Скитаясь по замку ночью, Кароль както выглянул из окна и увидел микроавтобус, въезжавший во двор большого особняка. То, что машина была выкрашена в непривычный алый цвет, Ивана не удивило. Обильную пищу для размышлений дало совсем другое: охранники выволокли из микроавтобуса двух мужчин, судя по виду бомжей, и пинками погнали их к двери подвала. С той ночи Кароль начал пристально следить за особняком и его обитателями. Он знал, что дом принадлежит Сергею Микошину и имел к нему большие претензии.

Приехав в город, Иван узнал о том, что по соседству обитает тот, кто может раз и навсегда изменить плебейские пропорции носа и нанес Микошину визит вежливости, заявившись в особняк с видом падишаха.

Обмануть Сергея Михайловича высокопарными речами о том, что «нам, олигархам следует держаться вместе» не удалось. Проницательный Микошин сразу распознал в Кароле жулика, а также заметил суетливый блеск глаз, свойственный лишь больным лихорадкой и гомосексуалистам.

– Пластическая операция? – улыбнулся Сергей Михайлович, узнав об истинной цели прихода Ванечки. – Нет проблем! Вот вам рекламный проспект моей клиники. Телефончики и прочее. Связывайтесь с секретарем, оговаривайте все детали и платите.

При ваших финансовых возможностях цена операции – сущий пустяк.

Услышав сумму, Кароль изменился в лице. Проглотил обиду за то, что Микошин отослал его к секретарю. Начал нести ахинею о счетах в иностранных банках и бюрократах из Цюриха, которые делают жизнь миллионеров просто несносной.

– Вам ли, Сергей Михайлович об этом рассказывать! Сами все знаете.

– Почему же? Я ведь не так богат, как вы, – Микошин опустил голову, чтобы скрыть улыбку. – Утром, как говорится квасок с лучком, вечером лучок с кваском. Так, говорите проблемы с банками и наличными?

Ванечка выступил с пространной речью, суть которой сводилась к тому, что операция необходима сейчас, а денежки он заплатит позже.

– Столько бизнес-проектов! Все до копейки вложено в дело. Прибылей, само собой жду огромных, но как раз теперь…

Микошину надоело выслушивать болтовню носатого мошенника. Он незаметно надавил кнопку, спрятанную под крышкой письменного стола, и в комнату вошел охранник.

– Стулья против денег, многоуважаемый олигарх! – Сергей Михайлович вытянул холеную руку в сторону выхода. – Проводите гостя и хорошенько запомните его гнусную рожу. Чтобы больше я его здесь не видел!

Оплеванный и униженный, Кароль поклялся отомстить Микошину. Загадочная выгрузка бомжей, в свете этого обстоятельства, становилась отличным поводом для шантажа.

Между тем розыски клада привлекли внимание досужего краеведа-любителя. Отираясь под стенами замка, он сообразил чего добивается Кароль и, настрочил заявление в прокуратуру.

Иван готов был опровергнуть клевету в суде, но на его беду появились новые проблемы. Давно забытая им авантюра имела печальные последствия. За ним началась охота и парочка коротко стриженых верзил получили указание, живым Кароля в плен не брать.

Иван не выдержал мук преследования и в одну безлунную ночь замок запылал, а арендатор исчез.

Ходили слухи, что он уехал в Швейцарию делать кровопускание своим счетам. Так могли думать только наивные сотрудники прокуратуры. Никак счетов у Ванечки, ни в Швейцарии, ни даже в Жмеринке отродясь не было, а прятался он в однокомнатной квартирке старого педрилы Чуркина, расплачиваясь за постой и конспирацию любовью.

– Надо что-то делать, – Кароль прошелся по комнате заглянул под стол. – Черт, куда подевались ботинки?

Ботинки нашлись. Они почему-то оказались наверху вешалки, там, где нормальные люди обычно кладут шляпы. Обувшись, Кароль уселся возле телефона. В спешке ударяясь в бега, он прихватил только самое необходимое, в том числе рекламный проспект клиники пластической хирургии.

– Встретиться со мной в ваших интересах! – заговорщицким тоном уверял Кароль Микошина, а, получив приглашение, рассмеялся. – Ни за что Сергей Михайлович! Бывал у вас и знаю, как вы встречаете гостей. Ни за какие коврижки! К тому же я не хочу оказаться на месте тех двоих, которые, очень хочу надеяться живы-здоровы. Наше рандеву должно состояться в людном месте. Ну, скажем на скамейке у городского фонтана.

Положив трубку, Иван расплылся в улыбке.

– Хорошо говорил! Теперь раскрутить эту суку на деньги будет легко! Уеду из этой дыры. Первым же поездом уеду!

Из коридора донеслись шаги возвратившегося из «Гастронома» Бориса.

– Одну секундочку. Ваня, без меня не начинай. Я – в ванную.

– Ну-ну, – Кароль отвинтил пробку бутылки. – Стану я тебя ждать.

Залпом проглотив стакан, он рассовал по карманам плаща документы, деньги и тихо вышел из квартиры.

В то время, когда Чуркин лил слезы над початой бутылкой и пустым стаканом, его, теперь уже бывший любовник, вдыхал полной грудью осенний воздух. После полуторамесячного заточения в квартире Бориса, Кароль почувствовал себя заново родившимся. В голове роились только приятные мысли, а уверенность в том, что все мечты сбудутся, росла с каждой минутой. Шагая к месту встречи, думал только о размерах суммы, которую намеревался вытребовать у Микошина в обмен на молчание. Решил, что пятьдесят тысяч долларов будет в самый раз, уселся на скамейку и осмотрелся.

Место было выбрано удачно. У фонтана под строгим надзором бабушек и мам копошились дети. На соседних скамейках болтали, потягивая пиво, юные хулиганы и их подружки. Какой-то старик, прохаживался по тротуару, читая газету, а под капотом припаркованной

у обочины шикарной «хонды» копошился ее хозяин – здоровяк в клетчатой куртке и бейсболке.

Иван взглянул на наручные часы. До прихода Микошина оставалось три минуты. Шантажист начал нервничать и уже хотел спросить у кого-нибудь из прохожих точное время, когда услышал за спиной знакомый голос.

– Кажется, вы хотели мне что-то продать?

Кароль обернулся. Микошин возвышался над ним, как башня и, сунув длинные руки в карманы плаща, улыбался.

– Садитесь, – буркнул Иван. – Разговор будет долгим!

– Разве? Мы с вами ведь деловые люди. Так зачем толочь воду в ступе? Насколько я понял, вы шпионили за моим домом. Кое-что видели…

– Это мне нравится! – Кароль хлопнул ладонями по коленям. – Кое-что? Вы силой привезли к себе в особняк двух мужчин. Ваши костоломы на моих глазах затолкали их в подвал. Простите за нескромный вопрос, что сталось с этими людьми?

Микошин вытянул ноги, и устало зевнул.

– Мне казалось, что вас интересуют деньги, а вовсе не соблюдение прав человека в этой стране. Называйте сумму, милейший. От пустой трепотни на языке мозоли натрете.

– Хорошо. Раз вы так спешите то, отвечу. Пятьдесят тысяч меня устроят.

Кароль ожидал изумления, вспышки ярости, чего угодно, но не нового зевка.

– Конечно, долларов?

– Да уж не «деревянных»!

– Когда и где вы желаете получить деньги?

– Здесь же! Завтра в это же время.

– Отлично, – Микошин встал. – Вы получите все, что причитается. Сполна, без задержек, а может и раньше, чем рассчитываете. До встречи.

Оставив Ивана удивляться быстрому окончанию переговоров, Микошин вышел на тротуар. Провожая его взглядом, Кароль тоже хотел встать, но к своему ужасу не смог этого сделать. На плечах шантажиста лежали сильные мужские руки.

– Молчи и внимательно меня слушай, – прозвучал над ухом повелительный голос. – Если попытаешься дернуться – узнаешь, в каком месте твоей шеи находятся болевые точки. Кивни, если понял.

Одна рука переместилась с плеча на шею Ивана. Большой палец надавил на нужный узел мышц и Кароль почувствовал, как по шее растекается онемение. Пришлось кивнуть.

– Я чувствую запах. Мне кажется, ты выпил, – прошептал незнакомец. – Это так?

– Да, – Кароль увидел, что капот «хонды» закрыт, а из выхлопной трубы вырываются клубы прозрачного дыма. – Стакан водки…

– Больше. Гораздо больше. Напился так, что не можешь самостоятельно держаться на ногах. Я прав?

– Да, я очень пьян.

– Вставай, я помогу тебе добраться до машины.

Осязать и обонять Иван начал только спустя несколько часов. Со зрением дела обстояли гораздо хуже. Когда Кароль открыл глаза и не увидел ничего кроме черной мглы и запаниковал.

– Я ослеп! – залепетал он. – С моими глазами что-то случилось! О боже!

Поднявшись, он вытянул руки перед собой и сделал несколько робких шагов. Опытный приспособленец решил, что глаза – не самый большой дар природы. Многие обходятся без них и живут очень даже неплохо.

– Эй, есть тут кто? Я попал в беду. Потерял зрение и память. Помогите, если вы способны на сострадание!

Вместо ответа раздался похожий на вздох звук открываемой пневматической двери. Сначала Иван увидел узкую полоску света, а в следующую секунду вынужден был прикрыть глаза ладонями. Полоска расширилась до прямоугольника, в котором вырисовывался четкий силуэт мужчины.

– Благодарю, тебя Господи, – завопил Кароль. – Я не ослеп! Боже, я вижу!

– Не спеши рассыпаться в благодарностях, грязный гомосек, – тон незнакомца был одновременно грубым и насмешливым. – Видеть не всегда полезно для здоровья, а уж шпионить – тем более. Да и Бог, к которому ты взываешь, предпочитает не заглядывать сюда.

– Где я нахожусь?! – от отчаяния к Ванечке вернулась свойственная ему наглость. – И по какому праву вы разговариваете со мной в таком тоне?!

– Ты в больнице. В отличной больнице, где излечивают от всего, включая длинные носы и чрезмерное любопытство. Помнишь присказку о Варваре? – рука в резиновой перчатке метнулась к лицу Кароля, пальцы сжали нос и резко дернули вверх. – И о правах. Здесь у тебя только обязанности. Одну из них – подохнуть, ты исполнишь

незамедлительно!

В судорожно дергающийся кадык Ванечки воткнулась игла. Раскаленная как лава жидкость проникла под кожу и расплавила сосуды. Кароль закричал так, как не кричал никогда в жизни – неистово и… бесшумно.

4

Безработный гражданин Светлов вышел из офиса на улицу. Он чувствовал себя выброшенным на обочину жизни и решил напиться. В одиночку и немедленно. Через десять минут он устроился на мокрой лавке у фонтана, откупорил бутылку и сделал внушительный глоток. Виталий подносил горлышко бутылки к губам во второй раз, когда услышал за спиной чей-то радостный возглас.

– Виталька! Ты?!

Не понимая, кому пришла в голову абсурдная мысль радоваться встрече с его никчемной персоной, Светлов оглянулся. Игорь Семенцов, по всем прикидкам должен был еще полировать нары не меньше года. Однако ошибки быть не могло. Брюнет с ангельской внешностью, белозубой улыбкой и тремя судимостями за квартирные кражи стоял, опираясь на парапет фонтана.

– Игорешка, какими судьбами?! – Светлов швырнул бутылку в мусорную урну, бросился к другу и обнял его.

– Судьбы здесь не причем, – ответил Семенцов. – Амнистия, брателло. Я, как ты знаешь, отличаюсь примерным поведением и легко создаю у окружающих иллюзию того, что меня можно исправить.

Друзья одновременно расхохотались. Семенцов был третьим в аграновско-светловском детском содружестве, но на учет в инспекцию по делам несовершеннолетних стал первым. Его отличительной чертой была врожденная склонность к авантюрам. Все начиналось с набегов на соседские сады и торговые палатки молдаван, торговавших арбузами, а закончилось тем, что паренек из приличной семьи к двадцати семи годам был почти готов к присвоению почетного звания вора-рецидивиста. На отношениях Виталия и Игоря это никак не отразилось, чего нельзя было сказать об Агранове, которому по долгу службы приходилось заниматься темными делишками друга детства.

– Пивко посасываем? Значит, жизнь по-прежнему прекрасна?

– Не так, чтобы очень. Сегодня с работы поперли. За аварию.

– Вот! – Игорь поднял указательный палец. – Я всегда утверждал, что в этой стране невозможно зарабатывать на жизнь честным трудом. Не оценят. И с кем поцеловался?

– Пешехода сбил, – уныло опустил голову Виталик.

– Пьяного, небось?

– Хуже. Мистика какая-то…

Выслушав рассказ Светлова о ночном происшествии, Игорь стал серьезным.

– Мистика, говоришь? Не знаешь ты еще дружок, что такое настоящая мистика. В курсе, за какие грехи я последние два года чалился?

– Краем уха слыхал. Вроде особняк чей-то обчистить хотел.

– Может по водочке пройдемся?

– Я вообще-то на мели.

– Зато у меня с бабками пока проблем нет. На старое место в парк?

Закуску разложили на пне.

– На тот домишко, я давно глаз положил, – рассказывал Семенцов, нарезая салями. – Двухэтажный. Кирпичные стены метра два высотой.

– У подножия горы что ли?

– Точно. Хозяин – владелец клиники пластической хирургии. Некий Микошин. Говорят, из простых санитаров в люди выбился. Я дождался в замке пока стемнеет, спустился вниз. Наливай!

Семенцов выпил, обвел взглядом пустынный осенний парк.

– Через забор перебрался без проблем. Это, ты знаешь у меня с детства. Первым сюрпризом для меня стало то, что у этого Микошина есть охранники. Два здоровенных лба резались в карты в застекленной будке, как раз у ворот гаража, через который я собирался войти в дом. Окно в подвал отыскал быстро, легко справился со шпингалетом, но тут… Давай еще по одной!

– На собак что ли напоролся?

– На собак, – кивнул Семенцов. – Только не похожи эти твари на собак были и лаяли так будто… Ну, как дети плачут. О-у-у! Вроде мастифы, а вроде и нет. Короче, проскочил я в окно так, будто был жиром с головы до пяток смазан. И уже из подвала одну рассмотрел. Я на работе не пью, усек?

– Я тоже. А что с собаками?

– Не собака это была, – покачал головой Игорь. – Мужик с бородой.

– Так мужик или все-таки мастиф?

– Ни то ни другое. Голова у этого черта была человеческая, а все остальное – собачье.

– Э-э-э, Игорек! – развел руками Виталий. – Тебе видно больше наливать нельзя. Надо ж такое придумать!

– Не придумал! – рявкнул Семенцов. – Я если хочешь знать, я в этот говенный городишко для того вернулся, чтобы еще раз… Наливай!

– Подвал этот, скажу тебе. Не иначе, как под самый замок уходит. Тогда я тоже решил, что в темноте померещилось. Плюнул на этого мастифов и начал дверь в дом искать. Нашел. Только она снаружи, со стороны дома запиралась, а с моей – ни замка, ни ручки.

– Ну и сматывался себе подобру-поздорову.

– Я ж любопытный! Думаю: на хрена попу гармонь, а этому доктору такой бункер? Решил обследовать, на свою голову! – Игорь нахмурился. – Дигер, чтоб меня так. В противоположном конце коридора была такая же дверь. Близняшка первой. Без ручки и всякого намека на замочную скважину. Тогда я начал повнимательнее осматривать стены, расхрабрился так, что даже включил фонарик. Добился своего. Отыскал еще одну нору. Именно нору. В высоту – полметра от пола не больше.

– Для собак!

– А вот хрен тебе! Вход в эту дыру открывался снаружи и был заперт на обычный засов. Я отодвинул его и посветил внутрь. Первым, что увидел, было толстое ржавое кольцо с обрывком цепи. Чтобы рассмотреть нору полностью пришлось стать на корточки и сунуть туда голову.

– Браво, смельчак!

– Не такой уж и смельчак, – не оценил шутливого замечания Виталия Семенцов. – Когда зашевелилась груда каких-то лохмотьев в углу, я дернулся так, что выронил фонарик и оказался в полной темноте. Выполз назад в такой спешке, что здорово хряснулся головой о кирпичи. Искры, посыпавшиеся из глаз, как ты понимаешь, не помогли мне рассмотреть это… существо. Я понял только, что во мраке прячется нечто живое. Тем не менее, сунул руку в нору, пытаясь нащупать фонарик. Схватил первое, что попалось под руку, и рванул к окну. Сзади, буквально в нескольких метрах за спиной слышал шлепанье бегущих ног. Босых и, судя по звуку, маленьких. Я не хотел видеть того, что за мной гонится, но какая-то непреодолимая сила заставила меня обернуться. Это существо сразу остановилось и отпрыгнуло назад в темноту. Я решил не бежать сломя голову, а стал медленно пятиться. Фонарик остался в норе. Вместо него я держал в руке куклу. Обычную детскую куклу с оторванной головой…

Отступление было долгим. Прежде чем сделать последний, отчаянный рывок к окну, я швырнул в темноту безголовую куклу и попал в цель. Она ударилась обо что-то мягкое, а потом я увидел это существо. Вообрази себе ребенка лет четырех-пяти. Абсолютно голого мальчика. Он подошел совсем близко и смотрел… Нет, не смотрел! Как может смотреть

тот, у кого нет головы?! Вот так, мон шер Виталик! Ноги, туловище и руки, которые он протягивал ко мне, все было на месте. Я отчетливо видел шею, а выше – ничего! Ужас придал мне сил, а мрачный парк показался бесконечно милым. Мысленно я уже подписал договор с Создателем, в котором давал свое согласие на то, чтобы быть разорванным мастифами или до смерти забитым охранниками. Все, что угодно. Только бы не остаться в подвале, наедине с тем уродом! Позади себя я слышал шорохи, а плечи упорно отказывались пролазить в проклятое окно, ни с того, ни с сего ставшее узким!В ту ночь я порвал куртку и содрал кожу на плече как кожуру с апельсина. Потом даже пришлось накладывать шов…

– История, – задумчиво произнес Виталий. – Фильм ужасов какой-то…

– Водка кончилась. Я сбегаю?

– Давай. Пить, так пить!

Вскоре Семенцов вернулся с двумя бутылками водки.

– Чем все закончилось? – с нетерпением спросил Светлов.

– Я поднял такой шум, что охранникам отвлеклись от игры. Когда бежал к забору, один из громил вздумал встать на пути. В плечах раза в два меня шире, шея в три обхвата. Кулаком быка мог свалить, но в моем состоянии… Короче врезал я этому богатырю от всей души, он и шлепнулся на задницу. Второй подбежал, когда я уже на забор карабкался. Этому я ногой в рожу засветил и, по-моему, сломал нос. По крайней мере, очень надеюсь, что сломал. Завопил он так, что разбудил всех ворон в округе. Мне очень требовалась компенсация за проведенные в подвале минуты и бил я от всей души. Переполох поднялся страшный. Уже на улице я услышал, как заводится двигатель машины, и открываются ворота. Надо признать, банда Микошина тоже была не лыком шита. Минуты через две позади вспыхнули фары. Обернувшись на бегу, я увидел микроавтобус дурацкого светло-красного цвета.

– Алый автобус?

– Точно. Алый. Ты-то откуда знаешь?

– Слыхал. От водил. Он у них что-то вроде Летучего Голландца. Считается, что если встретишь, обязательно в аварию попадешь. Я вот не встречал, а все равно вляпался.

– Алый он или не алый, но я четко себе уяснил: держаться от него надо подальше, поэтому и врубил самую высокую скорость, на которую способны мои ноги. Рев двигателя раздавался почти за спиной, когда я выскочил на шоссе и едва не угодил под колеса гаишной машины.

– А что автобус? – Светлов чувствовал, что порядком захмелел, скоро перестанет себя контролировать, поэтому наливал по полрюмки. – Самое время было его в оборот взять и разъяснить по полной программе.

– Его и след простыл, – развел руками Игорь. – Впрочем, гаишникам не до микроавтобуса было. Они со мной возились. Я ведь, Виталик, сходу в попытке кражи сознался. Уже в РОВД наш дружок Агранов с моей персоной разбирался. На другой день, как я не упирался, на место происшествия свозил. Понятное дело, никаких безголовых детей и алых микроавтобусов там не было. Микошина видел. Ну, прямо ангел без крыльев. Говорит, попытка проникновения в дом была, но никаких претензий ко мне не имеет.

– Так чего ж посадили?

– Он-то может, и не имел, – горько усмехнулся Семенцов. – А вот государство имело. При моих судимостях еще легко отделался.

Игорь вдруг понизил голос до степени полной нелегальности.

– А теперь, Виталик, самое главное. Я на зоне с одним мужиком познакомился. Он на колдунах и ведьмах был помешан. Тещу свою спьяну зарубил, потому, что за ведьму принял. Когда я про безголового ребенка рассказал, он едва в обморок не грохнулся. И книжку мне сунул. «Молот ведьм».

– Что-то припоминаю. Там описано, как ведьм изобличать.

– Во! Так на суде одна английская ведьма утверждала, что у нее были помощники и в их числе – безголовый ребенок по имени Уксусный Том!

– Значит…

– Значит или Микошин – колдун, или жена у него – ведьма! – торжественно объявил Игорь. – Дело вовсе не в моих галлюцинациях. Я на самом деле видел колдовского пособника Уксусного Тома!

– Ни хрена себе! У нас в городе колдуны?!

– Врубился-таки, – Семенцов встал и расправил плечи с видом Ван Хельсинга, собирающегося на войну с вампирами. – Поможешь мне с этой нечистью разобраться?

– Что, прямо сейчас?

– А чего тянуть? Выведем уродов на чистую воду! Зря, что ли я на зоне два года чалился?

Светлов чувствовал такой душевный подъем, что был полностью готов помочь другу в его безумном предприятии. Водка сыграла с ним злую шутку. В целом, возражений у Виталия не было. Оставались частности. Детали. Светлов тоже встал и ударом ноги зашвырнул, пустую бутылку в кусты.

– Идем, братан! Только чем их…

– По дороге решим!

5

Грохот в квартире Бориса Чуркина раздался примерно в два часа ночи, а в шесть утра старушка, жившая этажом ниже, подняла на ноги всех и вся. Клавдия Никитична была, если так можно выразиться, душой пятиэтажки, а также ее голосом и совестью. Она знала родословную всех жильцов до седьмого колена.

Бывший учитель Чуркин пропивал свою пенсию почти сразу по ее получении и жил тем, что собирал пустую стеклотару. Никитична не раз просила участкового избавить ее от соседа, который не раз заливал ее водой, а однажды чуть не отравил газом. Однако веских поводов для выселения Чуркина не было. В это утро Никитична почему-то была уверена, что очередной попойки у Бориса уже не будет.

– Так грохнуло, что у меня чуть люстра с потолка не свалилась, – истово крестясь, рассказывала старушка своему единственному слушателю – дворнику, флегматично помахивавшему метлой. – Случилось что-то с Борей. Сердцем чую – случилось. Плохое.

– Ну и поднялась бы к своему Боре.

– Не в жисть! – подпрыгнула на лавке Никитична. – Может ты, касатик…

– Я… Чуть что – я…

Дворник хоть и бурчал, но все же прислонил лопату к стене и скрылся в подъезде. В ожидании результатов старушка вытянула голову к подъезду, а ее острый носик, казалось, удлинился.

– Не отвечает на звонки твой сосед, – сообщил дворник, выходя из подъезда. – Не иначе вчера так упился, что до сих пор дрыхнет. Шла бы ты Никитична к себе, смотреть сериал.

Бабка осталась на скамейке и стойко дождалась восьми часов. Не успела еще открыться дверь конторы ЖЭУ, как Никитична ворвалась туда. Спорить с ней никто не стал, ввиду того, что никакие разумные доводы на бойкую старушенцию не действовали. Через пять минут она поднималась на площадку Чуркина в сопровождении огненно-рыжего молодого слесаря, который не успел, как следует проснуться и, плохо понимал, чего от него хотят. Когда старушка обрисовала ситуацию, слесарь уселся на ступеньку лестницы и бухнул по ней своим металлическим ящиком так, что по всему подъезду прошел звон.

– Ничего я вскрывать не буду.

– Как не будешь? – изумилась Никитична.

– А так и не буду. Дверь вскрывать положено только в присутствии участкового, – рыжий зевнул во весь рот. – Не-а. Не буду.

– Так я мигом!

– Давай мигом, – равнодушно пожал плечами слесарь, провожая сбегавшую вниз бабку недружелюбным взглядом. – Не спится ей, видите ли…

Надавив несколько раз на кнопку звонка, старший лейтенант задумчиво сдвинул фуражку на затылок.

– Не отвечает… Может и правда помер наш Чуркин? – свой вопрос инспектор почему-то адресовал сантехнику и, не получив ответа, скомандовал. – Открывай!

Слесарь возился с дверью довольно долго. Когда наконец закончил работу бабка рванулась в квартиру так, что едва не сбила с ног старлея. Тот остановил ее повелительным жестом, придал лицу официальный вид и толкнул дверь. Борис Чуркин лежал на полу коридора, метрах в трех от входа. Он прижимал руки к животу, словно пытаясь удержать вылезшие оттуда внутренности. Вокруг тела натекла внушительная лужа крови, а из нее, словно ручеек из озера тянулась цепочка багровых следов. Она вела на кухню и поскольку та располагалась в конце коридора, присутствующие увидели перевернутую тумбочку и ноги человека висящего над ней. В идиотских розовых носках с белыми полосками. В течение

нескольких секунд участковый осмысливал увиденное, а затем быстро, с грацией молодого рака попятился к выходу и, оказавшись на лестничной площадке, захлопнул дверь.

– Н-никитична… Теле… Телефон где?

Бледная, как мел бабка закивала головой так быстро и часто, что оставалось только удивляться, как та удержалась на тонкой шейке.

– У меня, сынок. В квартире.

– Так чего ж мы здесь стоим, старая дура?!

Вид опешившей от такого обращения старушки привел старлея в чувство. Он вспомнил о сотовом телефоне в своем кармане.

– Быстро. Оба. Отсюда.

Когда сантехник и старушка скатились вниз, участковый, наконец смог сделать то, что ему больше всего требовалось в этот момент – прислонился к стене. Уже через минуту он самообладание вернулось настолько, что лейтенант смог попасть дрожащим пальцем в нужные кнопки телефона.

О приезде опергруппы возвестил грохот двери подъезда. Врываться в дом с таким шумом умеют только менты, да молодые хулиганы, которым не терпится выпить свое пиво в тиши подъезда. Первым участковый увидел майора Агранова и коротко рапортовал о происшествии.

Снизу уже доносился музыкальный свист доктора Лихонина. Очень подвижный толстяк в роговых очках закрывавших добрую половину лица он был весьма эрудирован, но умел скрывать это в кругу милиционеров, чем заслужил их уважение.

Майор вошел в квартиру вздохнул, отыскал табурет и, усевшись на него, низко опустил голову, безучастный ко всему. Трех трупов, повисших на его шее, за три дня было многовато. Уже утром майор почувствовал: день будет не из легких и оказался прав. Агранов вновь вздохнул и посмотрел на следователя. В отличие от коллеги, тот проявлял кипучую энергию. Носился по квартире, ловко лавируя между лужицами крови и вскоре выдал Агранову свое резюме.

– Картинка мне видится такой, Дмитрий Федорович. Этот носатый, – следователь показал на мужчину в розовых носках, которого уже вынули из петли. – Вошел в квартиру и сразу же ударил хозяина ножом в живот. Потом запер дверь, прошел на кухню, снял бельевой шнур, выдвинул тумбочку на центр комнаты, закрепил шнур и… Когда тумбочка перевернулась, соседи услышали грохот. Бытовуха. Все просто.

– И ничего не просто! – подал голос Лихонин, осматривающий тело висельника. – Посмотрите-ка Дмитрий Федорович…

Агранову меньше всего хотелось любоваться трупом, но он выполнил просьбу доктора, а про себя с удивлением отметил, что Лихонин перестал насвистывать.

– Что у вас Иван Корнеич?

– Обратите внимание на шею. Ничего не понимаю!

Агранов ахнул. На горле мужчины зияла глубокая рана, края которой успели побелеть и стали похожи на тонкие, раздвинутые в жуткой ухмылке губы.

– Он был повешен уже мертвым, – продолжал Лихонин. – С такой раной этот человек прожил самое большое минуту.

– Значит, квартиранта подвесил хозяин квартиры? – с надеждой спросил майор.

Лихонин покачал головой.

– Этот… Чуркин скончался от массивной кровопотери на том месте, где были нанесены ему удары. К тому же, занимайся он подвешиванием дружка, вся кухня была бы залита кровью. Нет и еще раз нет. Чуркин не мог двигаться. Сами видите: у него все кишки наружу…

– Значит, в квартире был третий! – не унывал следователь. – А дверь, по-вашему, кто запер? – буркнул Агранов. – Чем версии выстраивать, окна осмотрели бы лучше.

– И осмотрел, – обиделся следователь. – Все к зиме заклеены.

– Вот видите. Как мог уйти ваш третий? Кстати документы у этого повешенного имелись?

– Конечно, – следователь раскрыл лежавший перед ним паспорт в потертой обложке. – Некий Иван Кароль. Шестьдесят второго года рождения. Пробьем его в паспортном столе.

– Не надо ничего пробивать, – в сотый раз за день вздохнул Агранов. – Личность известная. Вот значит где он прятался…

– Дмитрий Федорович! – позвал Лихонин таким жалобным тоном, будто оба мертвеца ожили и схватили его за шиворот. – А это уж совсем…

Агранов вернулся на кухню и увидел, что доктор рассматривает висок Кароля.

– Узнаете?

Майор ничего не ответил. Две полоски пластыря образующие крест, как две капли воды походила на те, которые были у безглазого пешехода, сбитого на ночной улице.

– Иван Корнеевич! – взмолился Агранов. – Скажите на милость, у нас в городе появилась секта сатанистов?!

Толстяк-доктор поднял глаза к потолку, где на крюке люстры еще болтался обрывок бельевого шнура.

– Все это мне что-то напоминает.

В кармане Агранова запищал сотовый телефон, и он включил его с обреченностью человека, которому давно не мил белый свет.

– Только не говори мне, что у нас еще одно убийство! – пригрозил он звонившему – дежурному РОВД.

Лихонин и следователь выжидающе смотрели на майора, который нарочито медленно спрятал телефон и, сменив его платком промакнул вспотевшую лысину.

– Что уставились коллеги? Засиделись мы тут. Некий гражданин Шакиров прирезал любовника жены, а сам ударился в бега. Собирайтесь и в машину!

За рулем автомобиля сидел тот самый смешливый сержант, которого Агранов помнил по ночному происшествию.

– В отдел, товарищ майор?

– Если бы…

Агранов назвал адрес и посмотрел на Лихонина.

– Вспомнили Иван Корнеевич?

– Пытаюсь. Только в голову всякая чушь лезет. Что-то из области легенд… А их, как говорится, к делу не пришьешь.

– Какие еще легенды?! – нетерпеливо воскликнул майор. – У нас два трупа с дырками в голове, а вы – легенды!

– Во-первых, это не дырки, – спокойно заметил Лихонин. – Отверстия, сделанные хирургическим способом. А во-вторых, легенды бывают разные. Городские, например…

Агранов с сомнением покачал головой.

– В такой дыре легендой может быть разве то, что Ванька влез на Маньку!

– Не стоит так пренебрежительно относиться к этому городу, – сказал Лихонин. – Если хотите знать, он полон зловещих тайн. Я имею в виду не только скелеты, которые спрятаны под костюмами в шкафу каждого местного жителя. Это – индивидуально. Однако есть и легенды м-м-м… общегородские что ли.

– Об Алом Автобусе! – А чем не легенда?

– Тебя, сынок как звать-то? – спросил Агранов с угрожающими нотками в голосе.

– Егор… Сурвило.

– Так вот, Егор Сурвило, если ты еще раз перебьешь старших…

– Не надо, Дмитрий Федорович с ним так строго, – вступился за сержанта доктор. – Пусть расскажет.

– Так вот, – продолжал польщенный вниманием Егор. – Ночью, в самое темное время по городу ездит микроавтобус алого цвета с тонированными стеклами. Кто за рулем – неизвестно.

– А почему алого, а не фиолетового? – с сарказмом спросил майор.

– Ну, не знаю. Может, чтобы кровь не так была видна, а может, чтоб страшнее было. Этот микроавтобус подбирает всех, кто попадается на пути: пьянчуг, бомжей, просто припозднившихся прохожих. С тех пор их больше никто не видит. Все.

– Мрачная легенда, – констатировал майор. – Что ж ты, сержант ГАИ этот автобус не разъяснил?

– Он не остановится и гнаться за ним бесполезно. За рулем ведь сам черт!

– С твоими-то плечами черта бояться! – укоризненно заметил Агранов. – Нет никакого Алого Автобуса, сержант Сурвило, заруби это себе на носу! Его ваша братия выдумала для того, чтобы на дороге не мерзнуть, а по деревням водку жрать.

– Как скажете, товарищ майор, – обиделся Егор. – Нет, значит, нет. Приехали!

У дома Шакировых уже стоял УАЗ, возле которого покуривали два рослых милиционера в камуфляже. Агранов, Лихонин и следователь вошли в дом. Доктор кивнул Шакировой, стоявшей у окна с пузырьком валерьянки в руке, присел рядом с трупом и первым делом осмотрел его висок.

– Ну? – нетерпеливо спросил майор. – Есть?

– Слава Богу, на этот раз нет. Обычный труп.

– Ничего себе обычный! – воскликнула Шакирова. – Может для вас и обычный, а у меня дома не каждый день убивают.

– Охотно верю! – следователь раскрыл папку. – Любовь…

– Георгиевна.

– Так что же здесь произошло, уважаемая Любовь Георгиевна?

– Сережа – мой тренер по фитнесу, – всхлипнула Шакирова. – Он заехал в гости. Не успел войти, как ворвался Олег с ножом в руке…

– Олег, как я понял муж? – спросил Агранов. – Назовите его полные данные, пожалуйста.

– Олег Петрович Шакиров. Тридцать два года. Специальность – инженер-взрывотехник. Работает по разовым заказам. А какое это имеет отношение…

– Имеет-имеет, – усмехнулся майор. – Муж, наверное, часто бывает в командировках?

– Да.

– Ага. Тогда скажите, почему ваш тренер без носков? Их с него снял Олег Петрович?

– Нет, конечно. Сережа…

– Значит, муж набросился на него с ножом, – перебил Агранов Шакирову. – Сразу как вошел в дом, так и набросился?

– Да.

– Хочу напомнить вам об ответственности за дачу ложных показаний. Вы ничего не путаете?

– Как тут можно путать! – Шакирова стала нервно мерить шагами комнату. – Сергей Олегу даже слова сказать не успел! Все произошло мгновенно! Муж ударил его ножом в шею, связал меня и…

– А вот мне картина видится несколько иначе, Любовь Георгиевна, – Агранов обвел комнату цепким взглядом. – Они ведь дрались?

– С меня хватит! – Шакирова, выпрямилась и гордо вскинула подбородок. – Могу я узнать координаты вашего начальства?

– Безусловно, – майор кивнул на следователя. – Он вам их даст. Пойдемте, Иван Корнеевич, нам здесь больше нечего делать.

– Я буду жаловаться! – не слишком уверенно крикнула Шакирова вслед майору и доктору.

– Ну и стерва! – резюмировал Агранов, выйдя во двор.

– Да уж, – согласился Лихонин. – Притащила в дом любовника, а теперь хочет нашими руками избавиться от мужа. Не удивлюсь, если узнаю, что при разводе ей достанется львиная доля имущества. Рана на шее этого тренера, конечно глубокая, но, как мне кажется, нанесена случайно. Все выглядит так, будто он сам наткнулся на нож.

– Я тоже так считаю, – майор вынул из кармана пластмассовую бутылочку с таблетками и проглотил несколько штук. – В любом случае надо искать этого Шакирова.

– А что у вас за лекарство?

– Ерунда – витамины.

Лихонин уселся в машину.

– Признаться меня больше занимают два предыдущих трупа. Я уже осмотрел первый. Отверстие на виске небольшое, но очень глубокое. Кто-то, воля ваша, Дмитрий Федорович, основательно покопался у него в мозгу. Уверен, что аналогичная операция была сделана и Каролю.

– Зачем?

– Создается впечатление, что просто так. Кто-то играет с нами, дорогой майор и эта игра мне очень не нравится.

6

Вика очнулась от холода и обнаружила себя на обшарпанной скамейке автобусной остановки. На девушке были джинсы и тонкая кружевная блузка, мало подходящая для отдыха под пронизывающим ноябрьским ветром. Вика забилась в угол, подальше от ажурной решетки, обхватила плечи руками. Теплее не стало, зато создалась некая иллюзия того, что можно мыслить и трезво оценивать ситуацию. Итак, имя и фамилию она помнила, что уже само по себе было немалым достижением для дурочки невесть как оказавшейся в незнакомом месте. Вика Морозова. Студентка второго курса филологического факультета. Троечница, у которой на момент окончания сессии насчитывается два «хвоста». Живет в институтской общаге, в одной комнате с тремя сокурсницами. Вчера вечером они собрались, чтобы обмыть экзамены. У Вики не было на это морального права, но к компании пришлось присоединиться по той простой причине, что пирушка проходила в их комнате. Вика хорошо помнила поход в «Гастроном» и свои протесты против огромного количества спиртного. Протесты, выражаясь юридически, были отклонены рыжеволосой подружкой Светкой. Потом была попойка с совершенно незнакомыми людьми, пару косяков и увеселительная поездка.

– Боже! – Морозова обращалась к Всевышнему в полный голос, поскольку кроме нее и небесного отца в радиусе десяти километров никого не было. – Боже, если ты есть, сделай так, чтобы…

Молитва девушки была услышана еще до того, как была закончена. Господь поспешил выполнить просьбу Морозовой с такой поспешностью, что не до конца врубился в суть прошения.

– Здравствуйте, милая барышня!

Вика резко обернулась. Посланник небес, выбиравшийся из кювета на шоссе, выглядел довольно странно. Мужчина в длинном пальто, вязаной шапочке, дурацкими деревянными бусами на шее и резиновых сапогах выше колена, поправил съехавшую с плеча лямку грязной сумки.

– Здравствуйте, – повторил он, обнажая в приветливой улыбке, ряд почерневших черенков зубов. – Мне показалось, что ты с кем-то разговаривала.

– Здравствуйте, – девушка никак не могла оторвать взгляда от обломанных с широкой каемкой грязи ногтей бомжа. – Вам действительно показалось. Я здесь одна.

– Теперь уже со мной, – мужчина хихикнул. – А уж я, Ниночка, тебя в обиду не дам.

– Вы сумасшедший? – девушка почувствовала, как похолодела и без того замерзшая спина. – Какая я вам Ниночка?!

– Не Ниночка? – на давно небритом, помятом, как тряпка лице появилось выражение искреннего удивления. – А кто же тогда?

– Вика! – почти выкрикнула Морозова. – Вика! И перестань валять дурака! Скажи лучше далеко ли отсюда до ближайшей деревни?

– Деревня далеко, а вот город. Если напрямки, через лес, километров семь-восемь… Кстати, меня зовут Игорь.

Он протянул девушке грязную ладонь, но та не пожелала скреплять знакомство рукопожатием и спрятала руки за спиной.

– А машины? Машины здесь хоть иногда проезжают?

– Ниночка спрашивала тоже самое, – бомж закурил, выпустил облачко дыма. Только она говорила «попутки». Да попутки. Ей было примерно столько же лет, милая барышня и стояла она там же где и ты. Она была молодой и глупой. Я приютил эту юную, шкодливую особу, а она отблагодарила меня тем, что при первом удобном случае залезла в карман моего пальто. Искала деньги, глупышка…

– И что же с ней случилось? – помимо своей воли Вика ввязалась в нелепый разговор, чувствуя, что с некоторых пор ее судьба неразрывно связана с участью неизвестной девушки. – Вы…

– Я был пьян, – бомж покончил с одним окурком и сунул в рот второй. – Не помню точно, сколько мы выпили. Много. Даже для меня. Не удивительно, что я уснул, а когда открыл глаза, увидел ее у вешалки. Она шарила в кармане. Была уверена в том, что я сплю и даже не обернулась когда я встал и взял табурет…

– Табурет, – эхом откликнулась Вика, отчетливо представив себе сцену наказания воровки.

– Я сбросил ее в погреб, замыл кровь и лег спать. Где-то через месяц пришлось вырыть яму в огороде. Сам я вообще-то нечувствителен к запахам. Хронический гайморит, – убийца шмыгнул носом, издал булькающий звук и выплюнул на асфальт длинную зеленую соплю. – При моем-то образе жизни… А вот у Ленки нюх был отменный. Она начала жаловаться на то, что из погреба воняет…

– Была еще и Ленка? – Вика осторожно осмотрелась по сторонам в поисках хоть какой-нибудь палки.

– Соседская девчонка. Ее родители сильно пили, не замечая того, что дочку трахает любой желающий. Лена прожила у меня две недели. Изучила мой член до мельчайшего волоска, а потом ни с того, ни с сего обозвала меня импотентом. Каково? Чтобы заткнуть ей рот пришлось взяться за топор. Брызги ее мозгов разлетелись по всей комнате. Если не веришь, могу показать тебе пятна.

– И девушек не искали? – Вика поняла, что судьба свела ее с маньяком и лихорадочно вспоминала советы психологов о том, как следует вести себя в подобной ситуации.

– Нет, – убийца почесал пятерней седую щетину на подбородке. – Нинка, как ты понимаешь, подрабатывала плечевой на этой трассе, а Ленка часто сбегала из дома и пропадала на несколько месяцев.? Тебя тоже не станут искать.

Прежде чем мужчина встал, Вика нашла то, что искала. Быстро наклонившись, она подняла с обочины булыжник и угрожающе подняла его над головой.

– Стой, где стоишь, подонок! Я тебе не Ленка или Нинка! Так засвечу в лоб, что мало не покажется!

– Я ведь так сказал, – оправдывался, разводя руками, бомж. – На всякий случай. Ты ведь не собираешься красть у меня деньги или обзывать импотентом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.